

УДК 821.161.1-343.4

**«КАНЦОНА» Л. Н. ГУМИЛЁВА:
ДИАЛОГ С АКМЕИЗМОМ**

Д. П. Рыжова

Тверской государственной университет
*кафедра филологических основ издательского дела
и литературного творчества*

«Канцона» Л. Н. Гумилёва анализируется в сопоставлении с «Канцоной» Н. С. Гумилёва, что открывает подтекст произведения; проводится детальный анализ и доказывается философско-исторический характер стихотворения; поэзия Л.Н. Гумилёва анализируется с позиций эстетики акмеизма; критикуется включение данного стихотворение в раздел любовной лирики в сборниках; делается вывод о самобытном характере поэзии Л. Н. Гумилёва.

Ключевые слова: *Л. Н. Гумилёв, акмеизм, православие, жанр, «зигзаг истории», подтекст, литературный диалог, «литературное гнездо», Н. С. Гумилёв, А. А. Ахматова*

Лев Николаевич Гумилёв впитал эстетику акмеизма, что называется, с молоком матери. Только за первые полгода его жизни прошло более десяти заседаний «Цеха поэтов», часто в царскосельском доме его родителей – А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилёва. Он прекрасно знал стихи своего отца и матери, читал их наизусть, что видно из многочисленных воспоминаний его друзей и знакомых. И это обязывает ученого, изучающего поэтическое творчество Л. Н. Гумилёва, оглядываться на кровное родство с великими поэтами и невольно сопоставлять, сравнивать, искать истоки.

Обращаясь к стихотворению Л. Н. Гумилёва «Канцона» [5, с. 395], невозможно игнорировать его связь с творчеством Н. С. Гумилёва. Родство семейное перевоплотилось в литературное родство, которое наиболее ощутимо в раннем творчестве Л. Н. Гумилёва, охватывающем петербургский период до первого лагерного срока. И хотя стихотворение изъято из контекста творческого развития автора, так как большинство текстов и черновики не сохранились, нам приходится рассматривать его как характерное для данного периода.

Название «Канцона» – жанровое. Канцона – итальянский поэтический жанр, пришедший из фольклора, окончательно сформировался в поэзии трубадуров в XII веке, позже был перенят поэтами. Акмеисты особенно трепетно относились к средневековой поэзии: «Средневековье дорого нам потому, что обладало в высокой степени чувством граней и перегородок. <...> Благородная смесь рассудочности и мистики и ощущение мира как живого равновесия роднит нас с этой эпохой и побуждает черпать силы в произведениях, возникших на романской почве около 1200 года» [12]. И действительно, в творчестве Н. С. Гумилёва есть семь стихотворений и один цикл с названием «Канцона». Как заметил Ю. М. Лотман, «в системе акмеизма культура – вторичная система – фигурирует на правах первичной, как

материал для стилизации – построения новой культуры. <...> Создаваемые ими тексты порой имитировали докультурный примитив (разумеется, в представлениях культурного человека XX века)» [10, с. 229]. В творчестве Н. С. Гумилёва канцона лишается своих классических формул. Акмеизм не берет готовых жанров, он их вспоминает. О. Э. Мандельштам утверждал: «Изобретенье и воспоминание идут в поэзии рука об руку, вспомнить – значит тоже изобрести, вспоминающий тот же изобретатель» [13]. Но Л. Н. Гумилёв «вспоминает» в названии «Канцона» не только средневековый жанр любовной поэзии. Прямой цитацией названия стихотворения Н. С. Гумилёва он углубляет подтекст – «источник чужого слова, дальнего повтора, который ощущается литературно подготовленным читателем как отзвук чего-то знакомого и создает эффект полифонии» [13]. Он вступает в литературный диалог с отцом. Чтобы глубже понять литературную связь, обратимся к тексту самого стихотворения Л. Н. Гумилёва «Канцона».

Автор игнорирует формальные признаки канцоны: нечетное количество строк в строфе, обязательный одинаковый рисунок рифмы, укороченную последнюю строфу и т. д. Тем самым концентрируя внимание на содержательном аспекте: песня признания в любви.

В этом произведении можно выявить два содержательных пласта. Первый рассчитан на неподготовленного читателя: стихотворение песенного характера о несчастной любви, имеющее сюжет с завязкой (выстрел любви в сердце) и развязкой («встало “нет” над сердцем»), а значит, тяготеющее к балладному жанру, что возвращает нас к родовым признакам канцоны. Второй, понимаемый через тонкие аллюзии и реминисценции, обращен к подготовленному читателю.

Песенный четырехстопный хорей первой строфы своей легкостью создает ощущение куртуазной поэзии:

Возле сердца бродит скука
И стреляет в нас из лука.
Попадает в сердце к нам,
И стекает кровь по дням [5, с. 395].

Это обманчивое ощущение легкости служит для нагнетания атмосферы трагедии. В последней строке появляется «кровь», а значит, лирический герой не просто поражен стрелой купидона, но ранен в самое сердце.

Вторая строфа на первый взгляд описывает переживания влюбленного:

Дни, окрашенные красным,
Не должны пропасть напрасно.
Этих дней пустую грусть
Я запомнил наизусть [5, с. 395].

Однако важнее обратиться к подтексту. В этом четверостишии появляется смешение лирического героя и авторского «я», произведение приобретает черты автобиографического. И из биографии Л. Н. Гумилёва становится понятно, что «дни, окрашенные красным» – революция 1917 года и Гражданская война. Здесь значение эпитета «красный» раздваивается: цвет крови и цвет революции. Стоит отметить, что во втором четверостишии автор не меняет легкий песенный ритм, при этом нагнетая трагичность подтекста.

Третья строфа резко контрастирует с предыдущими тяжелым ритмом пятистопного хоря:

Встало «нет» над сердцем пригвожденным,
Искаженным светом рвёт эфир,
И тоскует стадом оскопленным,
Стадом полоненным, дольный мир [5, с. 395].

Кульминация любовного сюжета – ответ «нет» возлюбленной – переносится в историческую плоскость, еще более обнажая подтекст. Тоскует уже не лирический герой, а «дольный мир». Оскопление символизирует уничтожение плодородия, лишение возможности любить. Дольный мир, то есть мир не божественный, лишился возможности любить Бога. Рефрен «стадом» подчеркивает животность народа, лишённого веры и божественной любви. В этой строфе проявляется еще один план – исторический. Если раньше читатель только догадывался из подтекста, что речь идёт об истории России, то здесь становится очевидным обращение к историческим событиям: принудительный отказ от православия. Употребляя народнопоэтическую форму «стадом полоненным», автор намекает на исторический параллелизм попытки советской власти и Татаро-монгольского ига пленить народ и подавить веру в Бога.

Последняя строфа снова переносит читателя в мир лирического героя:

Холодно, и в парке побелели
Ветви лип и барельефы ваз.
Тот же иней лег в моей постели,
В первый раз, подумавшем Вас [5, с. 395].

Автор не оставляет лирическому герою возможности любви душевной. И обычная поэтическая метафора заморозков в природе как холода в душе переносит в физиологическую плоскость, намекая образом постели на возможность в этом мире только плотской любви.

В «Канцоне» Л. Н. Гумилёв создает два смысловых пласта: на первом плане переживания лирического героя, второй план – исторический. Герой Гумилёва глубоко переживает историческую трагедию, тоскует не столько из-за неудачной любви, сколько из-за потери любви божественной.

Глубже понять авторский замысел Л. Н. Гумилёва поможет обращение к тексту «Канцоны» Н. С. Гумилёва:

Храм Твой, Господи, в небесах,
Но земля тоже Твой приют.
Расцветают липы в лесах,
И на липах птицы поют [6].

Мир Гумилёва-старшего наполнен Богом, любовью. Он расцветает божественным присутствием. «Здесь Бог становится Богом Живым, потому что человек почувствовал себя достойным такого Бога» [7, с. 43].

Последняя строфа «Канцоны» Л. Н. Гумилёва – это практически «антицитата» первой строфы «Канцоны» Н. С. Гумилёва. Мир, лишённый Бога, обретает черты антимира, то есть мира потустороннего. Весна сменяется осенью, первыми заморозками, лесные дикие липы родового имени Гумилёвых в Слепнево – липами в Царскосельском парке Петрограда.

Л. Н. Гумилёв прекрасно разбирался в греческой мифологии, где липа – эмблема Бавкиды и супружеской любви.

Этот приём антицитации вводит в хронологию событий стихотворения точку отсчета, начальную идиллическую картину мира, наполненного Богом, что усиливает контраст изменений от исторических событий. Таким образом автор даёт в этом стихотворении полную картину перелома эпох: наполненный любовью и Богом мир Н. С. Гумилёва, кровавая революция и гражданская война, антимир.

В начале своих рассуждений мы утверждали, что, потеряв формальные жанровые признаки, «Канцона» Л. Н. Гумилёва сохранила содержательные. И немаловажным кажется ответ на вопрос о том, кто же возлюбленная лирического героя, к которой он обращается в песне. В роли возлюбленной выступает Россия, точнее, ее первоначальное воплощение, а само стихотворение описывает зигзаг истории, перевоплощение в антимир. В поздний период творчества в поэтических сказках «Седьмая жена Синея Бороды» [5, с. 469] и «Сон спящей царевны» [5, с. 474] лирическая героиня Л. Н. Гумилёва тоже Россия. Автор с христианских позиций размышляет о повороте в судьбе страны. Позже эта тема была развита им в рамках научной теории пассионарности как учение об «антисистемах» в работе «Зигзаг истории».

Л. Н. Гумилёв с детства питал интерес к истории. В тридцатые годы он уверял Руфь Зернову, будто в возрасте четырёх лет читал толстые сложные книги по истории и всё понимал [2, с. 24]. И эту любовь к истории он воплотил в своей научной работе и в своём творчестве. Именно история, судьбы народов, философия истории находятся в центре большинства его поэтических и прозаических произведений. Ученые, готовившие первое издание поэтического наследия Л. Н. Гумилёва с научным комментарием [5], поместили «Канцону» в раздел «Любовная лирика». Сложно согласиться с таким поверхностным определением. Более того, в издании присутствует ошибка в датировке этого произведения: под текстом стихотворения указан 1935 год, а в комментариях – 1934. Можно сделать вывод, что слабая изученность текстов и их глубина на данном этапе исследований творчества Л. Н. Гумилёва вызывают казусы при попытках издать сборники. Осмысление его стихотворного наследия требует особенно тонкого индивидуального подхода.

Акмеисты подчеркивали своё творческое родство не в идеологическом плане, но в эстетическом. О. Э. Мандельштам писал: «Когда из широкого лона символизма вышли индивидуально законченные поэтические явления, <...> читатель <...> растерялся в мире цветущего разнообразия, где все уже не было покрыто шапкой рода, а каждая особь стояла отдельно с обнаженной головой» [11, с. 212]. Л. Н. Гумилёв как-то назвал себя «последним поэтом Серебряного века». Но можно ли считать его истинным акмеистом или только подражателем, слепым последователем? Следуя в своем творчестве эстетике акмеизма, он не подражает поэзии великих предшественников, но вступает в диалог с ней, воплощая свое мировидение и философское восприятие истории как самобытный поэт.

Список литературы

1. Алонцева, И. В. Художественное пространство Италии в лирике Н. С. Гумилёва [Текст] / И. В. Алонцева // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях : мат. международной науч. конф. Вып. 1. – Смоленск : Изд-во СГПУ, 2004. – Ч. 1. – С. 148–155.
2. Беляков, С. С. Гумилёв сын Гумилёва [Текст] / С. С. Беляков. – М. : Астрель, 2012. – 797, [3] с.
3. Гардзонио, С. Об итальянских стихах Гумилёва, Городецкого и Пастернака [Текст] / С. Гардзонио // Статьи по русской поэзии и культуре XX века. – М. : Водолей Publishers, 2006. – 368 с.
4. Грякалова, Н. Ю. Н. С. Гумилёв и проблемы эстетического самоопределения акмеизма [Текст] / Н. Ю. Грякалова // Николай Гумилёв. Исследования. Материалы. Библиография. – М. : Наука, 1994. – 680 с.
5. Гумилёв, Л. Н. Всем нам завещана Россия [Текст] / Л. Н. Гумилёв ; предисл. С. Б. Лаврова. – М. : Айрис-пресс, 2012. – 576 с. : ил.
6. Гумилёв, Н. С. Канцона [Электронный ресурс] / Н. С. Гумилёв. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/verses/451/>. – Дата обращения: 04.10.2013. – Загл. с экрана.
7. Гумилёв, Н. С. Наследие символизма и акмеизм [Текст] / Н. С. Гумилёв // Аполлон. – 1913. – № 1. – С. 42.
8. Деотто, П. Материалы для изучения итальянского текста в русской культуре [Текст] / П. Деотто // Slavica Tergestina. – 1998. – VI. – С. 212.
9. Долово-Добровольский, А. В. Образ отца Н. С. Гумилёва в трудах его сына Л. Н. Гумилёва [Текст] / А. В. Долово-Добровольский // Гумилёвы и Бежецкий край : мат. науч.-практ. конф., (8-9 нояб. 1995 г.). – Бежецк : Прогресс, 1995. – С. 33–41.
10. Лотман, Ю. М. Стихотворения раннего Пастернака и некоторые вопросы структурного изучения текста [Текст] / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам [Т] IV. – Тарту, 1969. – С. 206–238.
11. Мандельштам, О. Э. Сочинения [Текст] : в 2-х т. / О. Э. Мандельштам. – Т. 2 : Проза. – М. : Худож. литература, 1990. – 464 с.
12. Мандельштам, О. Э. Утро акмеизма [Электронный ресурс] / О. Э. Мандельштам // Сирена. – 1919. – № 4/5. – 30 января. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/acmeism/4/#sel=>. – Дата обращения: 04.10.2013. – Загл. с экрана.
13. Ронен, О. Акмеизм [Электронный ресурс] / О. Ронен // Звезда. – 2008. – № 7. – Режим доступа: <http://www.gumilev.ru/acmeism/3/#sel=41:1,41:173;18:25,18:99;26:17,27:15>. – Дата обращения: 04.10.2013. – Загл. с экрана.

LEO GUMILEV'S "CANZONE": A DIALOG WITH ACMEIZM

D. P. Ryzhova

Tver State University

*The department of the philological bases of publishing
and literature creativity*

Leo Gumilev's «Canzone»'s analyzed in compared with Nicolay Gumilev's «Canzone» what's opened the poem's subtext. Here's also analyzed and proved the philosophical and historical nature of this poem. The author talked about Leo Gumilev poetry from the standpoint of acmeizm. He criticizes that such works usually investigated as a love poems. Here's made the output of distinctive character of Loe Gumilev lyrics.

Key words: *L. N. Gumilev, Acmeism, Orthodoxy, genre, «zigzag history», subtext, literary dialogue, «a literary jack», N. S. Gumilev, A. A. Akhmatova*

Об авторах:

РЫЖОВА Дарья Петровна – аспирантка кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ilusia1@yandex.ru.